
В. Ф. ШАПОВАЛОВ

СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ЛЮБВИ

Любовь, несомненно, относится к числу *экзистенциальных категорий* человеческого бытия, то есть к числу таких проявлений человеческой жизни, без которых она принципиально не полна: вне любви человек лишается ощущения радости жизни, ее эмоциональной наполненности, стимула к конструктивной деятельности. В конечном итоге в отсутствие любви человек может утратить саможелание жить, окажется не в состоянии мобилизовать свою волю для того, чтобы придать жизни определенную направленность и осмысленность.

Вместе с тем приходится отметить, что в реальности любовь – явление достаточно редкое. Во всяком случае, можно с определенностью констатировать, что в действительной истории общества любовь встречается значительно реже, чем можно судить по тому, сколь часто она встречается в произведениях искусства, поэзии или даже в повседневном словоупотреблении. Употребляя слово «любовь» «всуе», люди вкладывают в него самый разный смысл, часто весьма произвольный.

Нередко понятие «любовь» трактуется в качестве некоего подобия вещи, которую следует приобрести, а партнеры по «любви» рассматривают друг друга, исходя из принципа «обладать» или «иметь». Явное, а чаще неявное, понимание любви с позиций обладания, с позиций собственности весьма распространено.

По поводу такого понимания любви Э. Фромм писал: «Дело в том, что такой “вещи”, как любовь, не существует. “Любовь” – это абстракция; может быть, это какое-то неземное существо или богиня, хотя никому еще не удавалось увидеть эту богиню воочию. В действительности же существует лишь *акт любви*. Любить – это форма продуктивной деятельности. Она предполагает проявление интереса и заботы, познание, душевный отклик, изъявление чувств,

наслаждение и может быть направлена на человека, дерево, картину, идею. Она возбуждает и усиливает ощущение полноты жизни. Это процесс самообновления и самообогащения»¹.

Если же «человек испытывает любовь по принципу обладания, то это значит, что он стремится лишить объект своей “любви” свободы и держать его под контролем. Такая любовь не дарует жизнь, а подавляет, губит, душит, убивает ее. Когда люди *говорят* о любви, они обычно злоупотребляют этим словом, чтобы скрыть, что в действительности они любви не испытывают. Многие ли родители любят своих детей? Этот вопрос все еще остается открытым... История западного мира двух последних тысячелетий свидетельствует о таких ужасных проявлениях жестокости родителей по отношению к собственным детям – начиная от физических истязаний и кончая издевательствами над их психикой, – о таком безразличном, откровенно собственническом и садистском отношении к ним, что приходится признать, что любящие родители – это скорее исключение, чем правило»².

Следует согласиться с Фроммом, что то же можно сказать и о браке: действительно любящие друг друга муж и жена – явление достаточно редкое. Часто за любовь принимается то, что таковой не является. Обычай «вступать в брак», общие экономические интересы, обоюдная привязанность к детям, взаимная зависимость – все это осознается как «любовь», пока один или оба партнера не признаются, что они не любят и никогда не любили друг друга.

Особое «коварство» собственнической установки по отношению к любви заключается в том, что эта установка может обнаружиться не сразу, поэтому на первых этапах сближения люди могут не ощущать и не обнаруживать ни своих собственнических устремлений, ни аналогичных со стороны партнера. Для первого этапа развития отношений характерно, как правило, желание продемонстрировать свои лучшие качества, свое внимание к партнеру, интерес к его личности, уважение к ней. Однако все может измениться едва ли не на следующий день после заключения брака. Цель достигнута, желанный «объект» стал моей собственностью, следовательно, он поступил в мое полное распоряжение. Таким образом,

¹ Фромм, Э. *Иметь или быть?* – М., 1990. – С. 52–53.

² Там же. – С. 53.

доминирование установки на обладание часто ведет к развитию отношений по линии: сначала любовь, затем «мирное совместное владение собственностью, некая корпорация» (Э. Фромм), ошибочно именуемая семьей. Наконец, выход нередко видят в поиске нового партнера или партнеров, полагая, что они способны удовлетворить потребность в любви. Но и новая любовь неизбежно терпит крах, если она основана на том же стремлении «иметь», то есть подчинить себе партнера, владеть любовью, подобно тому, как владеют некой вещью, имуществом. Любовь принципиально не может быть основана на стремлении подчинить своим интересам и партнера, и саму любовь. Поэтому вполне правомерно утверждение, что «любовь – дитя свободы».

Но если любовь не может быть построена на *эгоистически-собственнической* установке, то не менее важным для любви является умение партнеров избежать и противоположной опасности – *чрезмерного альтруизма*. Такой альтруизм выражается в желании угодить партнеру во всех случаях, в готовности всегда и всюду удовлетворять все его капризы. Возражая против понимания любви как абсолютного альтруизма, С. Франк писал: «Любовь не есть холодная и пустая, эгоистическая жажда наслаждения, но любовь и не есть рабское служение, уничтожение себя для другого. Любовь есть такое преодоление нашей корыстной личной жизни, которое и дарует нам блаженную полноту *подлинной жизни* и тем осмысляет нашу жизнь»³. Любящий не может и не должен раствориться в любимом. Он не может и не должен потерять свое лицо, свою личность, поскольку в этом случае он рискует погасить интерес к себе не только со стороны посторонних людей, но и со стороны любимого. Забота о сохранении и развитии творческого потенциала собственной личности каждого из партнеров является необходимым условием любви. При этом условии общение в любви становится *взаимным* духовным обогащением, совместным творчеством друг друга и свободным творчеством совместной жизни. Любовь есть свободная взаимосвязь и творческое взаимодействие участников любви.

Особо следует сказать о *половой любви*. Для этого вида любви, конечно, важна страстная, «дионисийская» природа любви. Под

³ Франк, С. Л. Смысл жизни // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 40.

влиянием страсти партнеры по любви способны, конечно, и на безрассудные поступки. Тем не менее это безрассудство имеет свои пределы. Например, Рогожин в романе «Идиот», будучи по натуре человеком безудержно страстным, любит Настасью Филипповну со всей силой безоглядной страсти. Он бросает на ее глазах в огонь стопки ассигнаций, решительно и бесцеремонно расправляется с противниками, сокрушает все препятствия, чтобы завладеть душой и телом Настасьи Филипповны. Но, однако, все же трудно вообразить, чтобы ему пришла в голову мысль посадить ее на цепь, как это происходит сегодня в некоторых современных сюжетах. Теми, кто лишает женщину свободы, заключает ее в темницу, заковывает в цепи и насилует вопреки ее воле, движет отнюдь не любовью. Это безудержная похоть, распущенность, при которой сладострастие стало полновластным хозяином души и теперь диктует агрессивные устремления, в том числе и по отношению к тому человеку, который стал объектом вожделения.

На сегодняшний день следует отметить весьма тревожную ситуацию, которая, в частности, делает философское осмысление любви исключительно актуальным. С достаточной степенью уверенности можно сделать вывод о том, что в современном мире торжествует культ секса. Секс наряду с насилием доминирует в массовой культуре начала XXI столетия. Очевидно, что чем больше современный мир ориентируется на секс, тем больше он уходит от любви: происходит извращение понятия половой любви, и в целом имеет место искажение всего комплекса отношений между мужчиной и женщиной.

Теоретическое оправдание гипертрофированного культа секса находим в книге Э. Гидденса⁴.

Центральным для концепции Гидденса является понятие «конфлюэнтная любовь». Согласно автору, в эпоху «после сексуальной революции», то есть в современную эпоху глобализации, любовные чувства и отношения меняются. На смену романтической любви приходит то, что автор называет конфлюэнтной любовью. Конфлюэнтной любви присущи следующие характеристики. «*Первое, сексуальность становится неперенным и основным компонентом*

⁴ См.: Гидденс, Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / пер. с англ. В. Анурина. – СПб.: Питер, 2004.

любовных отношений. *Второе*, ценным в любви оказывается не объект любви, который не воспринимается более в качестве неповторимого, единственного и в идеале обретенного навсегда, а сами отношения как факт здесь-и-сейчас осуществляющейся жизни. *Третье*, это – текучая, преходящая любовь»⁵.

Представляется, что нет необходимости в обстоятельном анализе книги, тщательном рассмотрении тонкостей дефиниций, сложных логических построений и аргументации. В современном мире ситуация такова, что ни титулы, ни ученые звания не дают гарантии качественности идей и концепций. Перед нами тот случай, к которому вполне применима поговорка: «Чтобы убедиться, что щи прокисли, не обязательно есть всю кастрюлю». Поэтому достаточно обратить внимание лишь на некоторые моменты предложенной концепции.

Автор, профессор социологии, директор всемирно известной Лондонской высшей школы экономики открывает читателям «громкую истину» (которая выражена в приведенной выше цитате). Представляется, что «ценным в любви оказывается не объект любви, который не воспринимается более в качестве неповторимого, единственного, а сами отношения как факт здесь-и-сейчас осуществляющейся жизни». Но если объект любви, то есть другой человек, не является ценностью, а ценностью является то, что я хочу от него получить (в данном случае сексуальное удовольствие), то о какой любви вообще может идти речь? «Другой» вообще не существует для меня как человек, как личность. Такого рода отношения можно называть как угодно, но только не любовью.

Скорее всего, это то самое холодно-отстраненное отношение к человеку «как к средству только, но не как к цели», против которого, формулируя категорический императив, резко выступал Кант, а вслед за ним и последующая философия и европейская культура в целом. Утилитарное отношение к человеку сопровождает, к сожалению, всю историю человечества. Поэтому в нем нет ничего нового. Но культура и философия всегда сопротивлялись превращению человека в «штифтик», в «разменную монету», в «средство», утверждая и возвышая достоинство личности.

⁵ Апресян, Р. Г. Идеал романтической любви в «постромантическую эпоху» // Этическая мысль. – Вып. 4. – М.: ИФ РАН, 2003. – С. 51.

«Характерно, – отмечает Р. Г. Апресян, – что З. Бауман, другой известный английский социолог, пишущий на темы, близкие тем, что развивает Гидденс, говорит о *liquid love*, прибегая к лексеме, семантически близкой лексеме “*confluent*”⁶. Тем не менее «liquid love» – буквально «жидкая любовь» – в русском языке имеет богатую и неоднозначную семантику. Так, если о ком-то говорят: «жидкий человек», то, конечно, не имеют в виду его «текучесть», гибкость. Смысл в данном случае совсем иной, вполне понятный. Для более ясного и точного выражения идей Гидденса как раз и следовало бы перевести его «confluent» как «жидкий». Тогда «жидкая любовь» полностью встраивается в контекст «жидкий человек», «жидкое общество», «жидкая жизнь» и т. д. Вот эту «жидкую жизнь» и предлагает нам английский автор, заменяя возвышенное понимание любви на «отношения здесь-и-сейчас».

Расплавленность, разжиженность, растекание, размазанность – все это синонимы утраты способности к самоорганизации, разрушения структурности, утраты функциональности и замирания жизни, это синонимы «бледной немочи», то есть смерти. Смерть ведь не есть пустота, абсолютное ничто. Она есть бледное подобие жизни. С приходом смерти человек превращается в труп, который весьма похож на живого человека, но из него исчезло то, что делало его живым: самоорганизованность всех телесно-душевных проявлений. Тело лишается структурной и функциональной организации, что и влечет за собой *разжижение* покровов и тканей, их растекание и расплывание, «размазывание» по окружающей среде. Впрочем, о том, что уничтожение любви (хотя бы и теоретическое) равнозначно покушению на саму жизнь, скажем ниже. Пока обратим внимание на следующее обстоятельство.

Не знаю, как авторы и читатели с берегов Туманного Альбиона, но мы в России (в Советском Союзе) все, что отстаивает Гидденс, уже «проходили» в начале другой, «новой, небывало светлой эры», наступившей задолго до светлой эры глобализации. Поэтому не составляет особого труда сделать вывод: концепция британского автора есть не более чем переодетая в наукообразную форму хорошо известная в СССР 20-х гг. ушедшего столетия так называемая «теория стакана воды».

⁶ Апресян, Р. Г. Указ. соч. – С. 49.

Эта «теория» получила широкое распространение на волне революционного энтузиазма и активно обсуждалась молодежью 20-х гг. В несколько смягченном и теоретически проработанном виде ее выразила видная деятельница большевизма А. Коллонтай в статье «Дорогу крылатому Эросу!» Но с предельной откровенностью она сформулирована в высказываниях молодого человека по имени Исайка Чужак, героя повести С. Малашкина «Луна с правой стороны». Повесть Малашкина, посвященная новой, «пролетарски-революционной» трактовке сексуальных отношений, широко обсуждалась на тысячах диспутов по всему Советскому Союзу. Речи героев повести по поводу революционного, то есть наиболее «современного» и «правильного», понимания половых отношений в то время воспринимались читателями, разумеется, с полной серьезностью. Сегодня же они не могут не вызывать улыбки. Пламенные выступления персонажей повести – некоторое карикатурное подобие концепции Гидденса, позволяющее, как и всякая хорошая карикатура, в более ярком свете увидеть характерные черты изображаемого предмета.

Главный герой, уже упомянутый Исайка Чужак, выразил новое кредо в речи перед участниками групповых сексуальных игр. «Стоя на столе перед несколькими парами юношей и девушек (последние были одеты в газовые прозрачные платья), он, как заправский оратор, вещал: любовь красива и свободна только до тех пор, пока есть необходимость в другом. Ведь марксизм говорит: сознание необходимости это и есть свобода. В любви люди дополняют друг друга... Поэтому нарушение гармонии, появление диссонирующих ноток должно приводить к разрыву связи. Следует ли страшиться разрыва? – задается риторическим вопросом студент. И отвечает в категорической форме – нет. Ибо это вполне закономерно. И затем Исайка уточняет: живя в “иных” условиях, он встречает женщину – товарища по делу и взглядам, у них зарождаются общие интересы, они стали дополнять друг друга и тем самым устанавливается новая связь, а предыдущая с полным сознанием необходимости расторгается»⁷.

⁷ Цит. по: Голод, С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. – СПб., 1996. – С. 22–23.

Как видим, стремление к получению сексуального удовольствия «здесь-и-сейчас» можно оправдать не только свободой (как у Гидденса), но при желании и необходимостью: дескать, я вовсе этого и не хочу, это необходимо, поэтому следует «осознать» необходимость и подчиниться ей. Так даже будет более убедительно, чем некие туманные рассуждения о свободе.

«Как же так? С первым встречным... – говорит в пьесе М. Булгакова «Собачье сердце» профессор Преображенский молодой девушке-домработнице, со слезами признавшейся ему в последствиях случайной сексуальной связи, – ну разве можно?..» Вообще говоря, конечно, можно. Но зачем называть это любовью?

Сексуальная революция, вопреки британскому автору, о книге которого идет речь, отнюдь не явление последнего десятилетия, то есть периода глобализации. «Сексуальная революция произошла в Америке приблизительно во время Первой мировой войны, – пишет американский автор, – и с тех пор каждое последующее поколение женщин исходило из новых представлений о сексуальной свободе, развивая их дальше»⁸. В те же самые сроки сексуальная революция происходила и в Европе. Упомянутое выше широкое обсуждение повести Малашкина, статья Коллонтай и другие факты говорят о том, что сексуальная революция в своеобразной форме происходила и в России в 20-е гг. XX столетия. Она была задавлена партийно-государственной идеологией в середине 30-х гг. Тем не менее российская сексуальная революция не прошла даром, и ее результаты имели значение для последующего развития советского общества. Поэтому заявление о том, что «в СССР секса нет», прозвучавшее в одном из ток-шоу начала перестройки, не соответствовало действительности. На самом деле в области секса мы были если и не «впереди планеты всей», то, во всяком случае, не последними⁹.

Сексуальная революция конца второго десятилетия XX в. учредила три свободы: «свободу нарушать формальные кодексы; свободу избирать формы сексуального поведения, отличные от общепринятых; свободу полного самовыражения в интимной сфере как

⁸ Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке: в 2 т. – М., 1992. – Т. 2. – С. 175.

⁹ Шаповалов, В. Ф. Любить по-русски. Особенности российской сексуальной культуры // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 163–172.

необходимое условие счастья»¹⁰. Эти достижения сексуальной революции остаются значимыми и для сегодняшнего дня. Именно с их позиций большинство населения Европы, России и США и рассматривает роль сексуальных отношений в рамках половой любви, в рамках брачных отношений между супругами. Вопреки Гидденсу, никаких существенных изменений в последние десятилетия, то есть в эпоху глобализации, не произошло. Тот факт, что молодежь воспринимает давно открытое как новое, вполне понятен. Но факт, что маститый профессор, не зная истории вопроса, взялся за пропаганду примитивной «теории стакана воды», облекая ее в наукообразную оболочку и выдавая за последнее слово социологии, не может не вызывать опасений.

Не имеет ли место сегодня на Западе то же самое, что наблюдалось в России непосредственно после 1917 г. и что А. Платонов характеризовал как «ювенильное море» (от лат. *juvenile* – молодой, юный)? Ювенильное море – это отрыв от истории, от культуры, это «изобретение велосипеда», «открытие Америки», за что неизбежно берется молодежь, если происходит разрыв времен, если старшие утрачивают авторитет и, конечно, если старшее поколение в лице профессоров философии и социологии добровольно отказывается от своей миссии передавать исторический опыт культуры в будущее.

Похоже, что дело обстоит именно так: английский профессор либо сознательно превращает в ювенильное море своих читателей, либо сам впал в историческое беспамятство.

Ведь только и остается, что удивляться: из страны, где консерватизм, что называется, «в крови», раздается призыв, один в один повторяющий то, что в 20-е гг. громко звучало в леворадикальной коммунистической России: «Сбросим классиков с корабля современности!» Согласно Гидденсу, романтическая любовь безвозвратно ушла в прошлое, она есть анахронизм, ей место на «свалке истории». Следовательно, и для художественных произведений, в которых она воспета, не найти уже места попристойней. А мы-то по наивности полагали, что Запад создал великие образцы, значение которых всемирно и непреходяще. «Русская литература не знает таких прекрасных образов любви, как литература Западной Европы, – писал Н. Бердяев. – У нас нет ничего подобного любви тру-

¹⁰ Лернер, М. Указ. соч. – С. 181.

бадуrow, любви Тристана и Изольды, Данте и Беатриче, Ромео и Джульетты. Любовь мужчины и женщины, любовный культ женщины – прекрасный цветок христианской культуры Европы... У нас не было настоящего романтизма в любви. Романтизм – явление Западной Европы»¹¹. Если Европа решила раздавить «прекрасный цветок», – что ж, это ее выбор.

Подводя итог краткого анализа нашумевшей публикации английского автора, отмечу, что во всей несурзаце, которая присуща рассуждениям профессора, имеется, пожалуй, один вопрос, заслуживающий серьезного внимания. Этот вопрос состоит в следующем: имеются ли в жизни человека прочные константы вневременного характера, без которых эта жизнь невозможна? Или же все целиком и полностью зависит от времени, эпохи, социальных условий?

Очевидно, что такие константы существуют. Как в космосе существуют константы постоянства скорости света, гравитационная постоянная, постоянная Планка и др., так и в человеческой жизни есть константы, на которых она основана и без которых превращается лишь в подобие жизни, в действительности трансформируясь в небытие. Константы человеческой жизни связаны с понятием свободы («человек обречен быть свободным»), с ответственным выбором («тревога» – К. Ясперс, «забота» – М. Хайдеггер, «тяжесть» – Н. Бердяев), с творчеством и, разумеется, с любовью. Конечно же, любовь – это не получение удовольствия «здесь-и-сейчас», а сложный культурно-духовный феномен, который может быть понят только в широком контексте всей истории человеческой культуры, в контексте понимания любви как особой формы человеческого бытия в мире.

В рамках любви в ее экзистенциальном понимании, то есть как особой формы человеческого бытия в мире, создаются наиболее благоприятные условия для саморазвития личности. Вместе с тем и сама любовь есть не что иное, как творчество, поскольку предполагает свободные усилия ее участников по созиданию любви. Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что именно любовь есть глубинный источник творчества, его движущая сила, и одновременно она есть само творчество, одухотворенная творческая мощь жизни.

¹¹ Бердяев, Н. О Достоевском // Эрос. Страсти человеческие / сост. П. С. Гуревич. – М., 1998. – С. 86–87.

Вл. Соловьев был убежден, что за раздорами, разладами, борьбой, легко обнаруживаемыми на поверхности всякой реальности, в глубине скрывается сила взаимного притяжения, сила любви. Именно поэтому мир не раскалывается на изолированные, несвязанные части, а представляет собой единое упорядоченное целое. Красноречивы известные стихотворные строки Вл. Соловьева:

Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви¹².

В мире человеческих взаимоотношений любовь выступает в разнообразных проявлениях. Бытие человека включает половую любовь, братскую любовь к ближним, любовь к природе, любовь к знаниям, к любимому делу, наконец, любовь к Богу.

Любовь во всех случаях выступает способом преодоления духовной самоизоляции, экзистенциального одиночества. Любовь соединяет, в то время как равнодушие или ненависть отгораживают, отстраняют человека от мира и других людей. Любовь предполагает рассмотрение другого как части меня самого. Поэтому она открывает человека навстречу другому. Любовь создает возможности для более глубокого познания окружающего мира.

Смотрящий на мир добрыми глазами больше увидит, отмечал Т. Манн. Мысль Т. Манна созвучна идее Достоевского, с которой мы начали изложение, – о «познающей любви» и «любящем познании». В связи со сказанным, думается, есть все основания говорить о *познавательной продуктивности любви*. Идея о познавательном значении любви характерна для целого ряда русских мыслителей, таких как А. С. Хомяков, представителей философии всеединства В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка и др. Ее разделяли основатель русского интуитивизма Н. О. Лосский и создатель философии экзистенциального персонализма Н. А. Бердяев.

Познавательная продуктивность свойственна не только родительской, но и всем другим видам любви.

¹² Цит. по: Гулыга, А. В. Философия любви / В. С. Соловьев // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 34.

Когнитивный аспект любви, определяющий ее познавательную продуктивность, связан в первую очередь с тем, что познание реализуется не одним только разумом, а *всей совокупностью душевных сил*. Разум, изолированный от целостного существа человека, превращается в холодный и отстраненный рассудок, в то, что Достоевский метафорически характеризовал как «эвклидов ум». Такой ум способен только лишь к построению абстрактных схем, но не способен понять изучаемый предмет в его целостности, объемности, многообразии. Полноценное познание предполагает деятельность не одного только разума, но и участия в нем всего существа человека: воли, эмоций, интуиции, органов чувств, сердца как метафизического центра человеческой личности. Наконец, и тело есть не только внешняя оболочка человека – тело в совокупности всех его характеристик следует рассматривать в том числе и как «инструмент» духа, как инструмент и составную часть процесса познания.

Знаменитый девиз Б. Спинозы: «Не плакать, не смеяться, а понимать» – выражает установку научного познания на достижение такой истины, которая не допускала бы субъективизма, максимально исключала искажения, обусловленные теми или иными пристрастиями субъекта. В этом смысле изречение Спинозы справедливо для всякого познания, претендующего на истинность и общезначимость. Но трактовка познания, основанная на приведенном изречении, тем не менее страдает узостью и односторонностью. Такая трактовка характерна для философской классики, то есть для периода развития европейской философии (XVII в. – рубеж XIX–XX вв.), когда за эталонную модель познания принималась наука, основанная на принципах Ньютона – Галилея. С переходом к неклассической и постнеклассической науке изменялась и философская модель познавательного процесса.

Следует признать, что субъект философской классики, наделенный разумом, но лишенный собственно человеческих характеристик, есть абстракция, не способная объяснить процесс познания. Даже введение в классическую трактовку процесса познания категории практики не меняет эту трактовку по существу.

Следует учесть, что никакие практические потребности не сдвинут познание с мертвой точки, не запустят механизм познания

и не обеспечат его функционирование, если у субъекта отсутствует эмоциональное отношение, эмоциональный мотив, стимулирующий познавательный процесс, питающий его энергией, без которой никакая деятельность, в том числе и познавательная, невозможна. Подчеркнуто нейтральное, равнодушное, то есть безэмоциональное, отношение к миру не способно породить импульс к познанию. Познание реализуется только при условии заинтересованности субъекта, при наличии в том числе и положительно-эмоционального отношения к проблеме, – эту идею, развитую в рамках рациональной реконструкции истории науки в первую очередь такими авторами, как К. Поппер и П. Фейерабенд, следует считать одной из важнейших для современного подхода к познанию.

Из сказанного следует, что познание осуществимо лишь при условии эмоционально позитивного отношения человека к самому себе и к миру. Наибольшей мерой позитивности и является любовь. Ее значение для познания, таким образом, определяется тем, что любовь, формируя интерес к предмету, выступает в роли энергетического источника для функционирования сложного механизма познания, в котором человек выступает не как сугубо умственное, а как *целостное* существо. В едином акте познания задействуются ум, воля, эмоции, интуиция, органы чувств, сердце как метафизический центр человеческой личности, наконец, и тело, поскольку оно не есть только внешняя оболочка человека. Именно любовь и является тем фактором, который соединяет воедино различные стороны и способности человека, способствует их взаимной согласованности и общей направленности на решение определенной задачи.

Разумеется, равнодушное отношение к миру, в частности к предмету познания, может возникнуть не только на основе любви, но и на основе ненависти. Ненависть, действительно, становится порой мощным стимулом к познавательной активности. Но ненависть не обладает собственным энергетическим источником, она может питаться только за счет любви. «Истошающее отрицание не оставляет места для положительного творчества», – отмечал Н. Бердяев¹³. Ненависть истощает человека в духовном, а очень часто и в самом непосредственном, физическом смысле.

¹³ Бердяев, Н. А. Смысл истории. – М., 1990. – С. 134.

«От любви до ненависти один шаг», – гласит известное изречение. Как в свете сказанного может быть истолкован его смысл? Очевидно, превращение любви в свою коренную противоположность означает, что сила, присущая любви, *передается* тому, что называется ненавистью. Запасы эмоциональной энергии любви приобретают противоположный знак. Ненависть жива, пока эти запасы не истощены, не израсходованы. В самом деле, бывшие любовники часто не могут даже спокойно видеть друг друга, лелеют мечту о мести, заняты «перемыванием косточек» и т. д. именно тогда, когда разрыв произошел резко и чувство еще не остыло. Любовь в действительности еще не ушла, ее эмоциональные запасы не истощены. Но если они не получают подпитки, то со временем уходит и ненависть, люди становятся равнодушными друг к другу. Не исключено, правда, что эмоциональная энергия любви может проявляться вновь и вновь, на протяжении всей жизни человека, возрождая либо ненависть, либо любовь.

Таким образом, познавательное значение любви выявляется в нескольких аспектах. Во-первых, любовно-заинтересованное отношение человека к миру является стимулом познания, рождает и питает эмоциональную энергетику познавательной деятельности. Во-вторых, посредством любви в познании задействуется целостный человек, в единстве всех сторон его существа, то есть познание уже не может быть изолированной активностью ума, а выступает в качестве совокупной деятельности ума, воли, эмоций, интуиции, органов чувств, сердца как метафизического центра человеческой личности. В-третьих, любовь выступает фактором повышения продуктивности познания в связи с тем, что позволяет увидеть изучаемый предмет не только в его непосредственной данности, а в бесконечной перспективе его потенциальных возможностей.

Познавательное значение любви следует, разумеется, рассматривать в контексте ее жизненного значения: значение любви для познания есть один из многих аспектов ее значения для жизни, для человеческого бытия в мире. Несомненно, одним из важнейших видов любви, имеющих особое значение для жизни человека, является *половая любовь*.

Следует в первую очередь подчеркнуть, что тема половой любви не терпит ханжества и лицемерия. Конечно, желательно, чтобы

взаимная любовь мужчины и женщины была прочной и долговременной, и, в самом лучшем варианте, была бы единственной, стала бы любовью на всю жизнь. Но в силу разных обстоятельств такое бывает не всегда. Как уже отмечалось, подлинная любовь – явление редкое. Впрочем, ничто действительно ценное никогда не встречается «на каждом шагу»: драгоценный металл всегда составляет очень небольшой процент, в то время как пустая порода количественно превалирует.

Отрицать права партнеров самостоятельно, по обоюдному согласию выбирать формы сексуального поведения, выступать против открытости партнеров новым формам сексуального поведения означало бы впасть в ханжество и лицемерие. Однако половая любовь, разумеется, не сводится только лишь к отношениям сексуального характера.

Половая любовь многообразна. В истории философской и религиозной мысли, в произведениях литературы и искусства выявлены, раскрыты и красочно описаны различные аспекты любви. Только в *своем единстве* они составляют то, что можно назвать полноценной связью между мужчиной и женщиной, основанной на согласии сердец, а не только лишь на отношениях сексуального характера. *Сложный комплекс отношений*, включающий в свой состав ряд аспектов любви, только и можно назвать половой любовью в подлинном или собственном смысле. Есть любовь *эротическая*. Это восхищение красотой, силой, совершенством. Есть любовь *агапэ*. Это любовь одаряющая, милосердная и сострадательная. Есть любовь *каритативная* (каритас). Это любовь как нежность. Есть любовь *страстная*. Это вожделение, стремление обладать. Эти виды любви могут существовать совместно, в составе конкретного проявления любви.

Полноценная половая любовь и есть именно то, что включает в себя все отмеченные виды любви, но не сводится только к одному, взятому изолированно от других. Конечно, она немислима без страсти, а также без эроса. Но в ней также присутствует и момент нежности (каритас), и моменты милосердия и сострадания (агапэ). Только единство и целостность во всей совокупности названных аспектов превращают отношения между мужчиной и женщиной в то, что характеризуется как любовь. Богатство проявлений половой

любви делает ее роль абсолютно незаменимой для ощущения полноты и радости жизни.

Если половая любовь сводится только к страсти, то есть к сексуальным отношениям, то единение с Другим возможно лишь на короткий момент. Партнеры по сексу часто остаются абсолютно чуждыми друг другу. Чувство одиночества может при этом даже возрасти. Если же половая любовь помимо страсти включает в себя эрос, агапэ и каритас, то в этом случае отношения любящих будут несравненно богаче и полнее. Полноценная половая любовь, включающая взаимную нежность, милосердное и сострадательное участие любящих, меняет ощущение жизни, придает ей радость цветущей полноты.

Сладострастие в своем обнаженном виде неизбежно переходит в разврат. Последний разрушает человеческую личность, губит человека. В образе Свидригайлова Достоевским показано перерождение, гибель личности от безудержного сладострастия, перешедшего в безудержный разврат. В основе абсолютизации сладострастия лежит представление о половом акте как унижительном для человека, греховном состоянии. Именно представление о неустранимой греховности, животности и, следовательно, запретности половых отношений составляет движущую силу сладострастия. Но такой же глубоко ложный взгляд на половые отношения может лежать и в основе *строгого морализма*, категорически отрицающего всякое положительное значение полового акта для межличностных отношений. При таком взгляде оправданность полового акта усматривается исключительно в деторождении. Стремление же к половому акту самому по себе, в составе комплекса отношений, с этой точки зрения есть якобы не что иное, как низменное желание удовлетворения похоти. Глубоко ошибочный взгляд на половой акт как на унижительное для человека животное состояние далеко не преодолен. Наиболее ярко этот взгляд представлен в воззрениях Л. Н. Толстого.

Согласно Толстому, половая любовь вообще не имеет ничего общего с любовью как таковой, с любовью подлинной. Он писал: «Называют одним и тем же словом любовь духовную – любовь к Богу и ближнему, и любовь плотскую мужчины к женщине или женщины к мужчине. Это большая ошибка. Нет ничего общего

между этими двумя чувствами. Первое – духовная любовь к богу и ближнему – есть голос Бога, второе – полая любовь между мужчиной и женщиной – голос животного»¹⁴. Согласно Толстому, сладострастие есть грех и грязь, проявление животности. Предаваться сладострастию возможно лишь так, как предаются тайному пороку.

Говоря об особенностях полой любви в свете присутствия в ней элемента сладострастия, следует особо обратить внимание на такие ее качества, как *интимность* и *душевность*. Что касается интимности, то она связана с общей высокой оценкой значения интимности в жизни человека. Согласно такой оценке ценность важнейших сторон человеческой жизни определяется их интимностью и может быть утрачена при выставлении напоказ. Полноценная полая любовь связана со взглядом на физические проявления любви как на то, что не предназначено для посторонних глаз. Не следует, разумеется, выставлять напоказ столь интимную сторону жизни, как сфера сексуальных отношений. Она есть прерогатива только двоих и не терпит посторонних.

Другая особенность, которая уже была упомянута, – *душевность*. Именно душевность отношений партнеров служит нравственным оправданием сексуальной связи. Под душевностью понимаются сопереживательность и сердечность партнеров, независимость от соображений расчета и выгоды, самостоятельность и свобода выбора, совершаемого по велению сердца. Тот, кто стремится обрести любовь, ждет от нее духовной просветленности, того, что способно одухотворить и осветить жизнь, придать ей смысл, возвышающийся над обыденностью и над практическими нуждами и потребностями. Вместе с тем полностью не исключаются и прагматические, рациональные соображения такого типа: удовлетворение сексуальной потребности необходимо во имя здоровья, продолжения рода, стабильности брака и т. п. Однако, как правило, не им отводится роль основных мотивов и двигательных пружин любовных отношений.

Таким образом, полая любовь – один из видов любви наряду с любовью братской, материнской, отцовской и т. д. Как и все виды любви, она связана со способностью к самопожертвованию, с ду-

¹⁴ Толстой, Л. Н. Путь жизни. – М., 1993. – С. 96.

шевностью, с готовностью помочь любимому человеку, выручить его в трудную минуту и т. д. Но наряду с этим в ней присутствует взаимная симпатия, основанная на взаимном притяжении мужчины и женщины. Это притяжение находит наиболее полное проявление в сексуальных отношениях. Секс является только лишь одним из элементов сложного комплекса отношений, является его необходимым, но недостаточным элементом.

В составе этого комплекса, который и есть половая любовь, секс перестает быть лишь проявлением животной природы человека. Он одухотворяется, становясь духовно-телесной близостью двух людей. Наличие чувственного, то есть непосредственного, взаимодействия с Другим дает половой любви известные преимущества перед такими видами любви, как, например, братская любовь или любовь к ближнему. Наличие чувственного контакта является условием не абстрактного понимания Другого, а восприятия его на чувственно-конкретном уровне. Поэтому по степени своей чувственной конкретности, осязательности половая любовь сопоставима с материнской любовью.

Очевидно, что особая сила материнской любви во многом связана с тем, что ребенок изначально является частью самого материнского тела, а затем длительное время находится в непосредственном чувственном, естественном, природном контакте с ним. Поэтому мать изначально в принципе, разумеется, не может воспринимать свое дитя как нечто чуждое, абстрактное. Если мать кормит ребенка грудью, держит его на руках, прижимая к своему сердцу, то между ней и ребенком устанавливается чувственно осязаемая душевно-телесная связь, два существа объединяются пронизывающими их токами теплоты и нежности. Когда ребенок становится старше, то и тогда нежное материнское прикосновение дает ему больше, чем огромное множество слов.

Как это ни покажется странным на первый взгляд, половая любовь если и не сродни материнской по характеру, то сродни ей по степени чувственной конкретности: посредством такой любви Другой открывается мне не только в мысли, не только через образ зрительный, но и через образ реально осязаемый. Осязательность живого тела через любовное к нему отношение благотворно влияет на всю личность человека. Только через такую осязательность можно

реально преодолеть чувство одиночества, чувство оставленности. Наше желание прикоснуться к телу близкого существа есть проявление потребности в контакте с живым, чувственно воспринимаемым как близкое, живое. Никакие мертвые предметы, никакие слова, ни чтение романов, ни просмотр фильмов – ничто не обладает такой эффективностью для избавления от неприятного ощущения холода в душе, от чувства одиночества, как осязательное присутствие живого тела, воспринимаемого как родное и близкое.

Таким образом, можно сделать принципиальный вывод: **человеческая культура создала особый духовный феномен, получивший название половой любви.** Человеческий гений поистине чудесным образом превратил отношения животного происхождения, служащие в животном мире исключительно целям детопроизводства, в многогранный культурный феномен, в явление подлинно человеческой культуры. Роль половой любви в жизни человека огромна и незаменима. Это связано с ее интимностью, духовно-телесной близостью двух людей, с постоянным общением с таким же, как «Я», но «Другим», по-другому устроенным человеком, с пониманием другого взгляда на мир, обусловленного иной половой психологией. Роль половой любви незаменима в преодолении одиночества, чувства оставленности. Половая любовь крайне важна в качестве источника творчества, мощного стимула к познанию и творчеству. Само ее существование основано на творческом сотрудничестве людей, поэтому она есть творческое выстраивание отношений с иным человеком при отчетливой, осязательной данности его инаковости. В силу всех своих особенностей половая любовь принадлежит к тем важнейшим и немногим факторам, которые рождают и поддерживают в нас само желание жить, саму волю к жизни.

«Не бойся, если вдруг тебя разлюбят, / Куда страшней, когда разлюбишь ты...» Это слова одной из песен, популярных в советский период. В них ярко подчеркивается важность любовного отношения к миру, к жизни, причем важность такого отношения для самого человека: тепло любви согревает не только того, кого любят, но в первую очередь – того, *кто* любит. Поэтому для полноценного бытия важно присутствие любви в самом существе человека, его способность любить.

Не будет преувеличением утверждать, что для отдельного человека утрата способности к любви равнозначна *утрате способности жить*. В общественном смысле исчезновение любви (если люди изгонят любовь из своих сердец по легкомыслию или под воздействием идей модного теоретика) приведет к физическому исчезновению данного общества, к *его физическому вымиранию*. Таким образом, значение любви для человеческого бытия выявляется в полном объеме только в том случае, если это бытие понято как *жизнь*. Речь идет о том понимании жизни, основы которого были разработаны «философией жизни», а затем развиты целым рядом направлений философии XX в.

Главная особенность философского понятия жизни состоит в том, что в нем заключено многомерное единство биологической, культурно-исторической и идеально-духовной реальности. Жизнь – это непредсказуемость, порыв, стихийный поток, внутренняя свобода, творчество, цветущая полнота жизни. Жизнь как особая реальность неоднозначна, поэтому часто находит свое выражение не столько в понятийной, сколько в художественной, символической или метафорической форме. Вместе с тем жизнь – отнюдь не хаос, напротив, жизнь противопоставлена хаосу, поскольку она есть способность к самоорганизации, есть самоорганизованная целостность, богатство многообразия в его единстве.

Жизнь есть нечто свободное, живое, а не функционирующее по законам и формулам, она не является чем-то оцепеневшим, мертвым. Всякая же формула, всякий научный закон построены на искусственном омертвлении жизни, на условном исключении из нее непредсказуемости и свободы. Жизнь противостоит всему надуманному, искусственному, «вымученному», механическому. Ее тщетно пытаться загнать в рамки искусственных схем и определений. Но именно это и пыталась сделать ориентированная на науку рационалистическая западная философия классического периода. Поэтому выдвижение на передний план понятия жизни есть сознательный вызов ориентированной главным образом на классическую науку западноевропейской философии XVII–XIX вв., точнее, присущей ей абсолютизации рациональности классического типа.

Вопреки приведенному выше изречению Спинозы реальный человек непременно «плачет и смеется», а главное – любит, познает,

созидает, а значит, живет. Живет не только и даже не столько жизнью биологической, а жизнью во всей полноте и многообразии ее проявлений, которое и фиксируется в философском понятии жизни. В отсутствие любви бытие человека и социально-историческая реальность в целом прекратят свое существование в качестве формы жизни. Общественные отношения, начисто лишённые любви, элементов межличностной симпатии, вырождаются либо в лишенный всякого порядка хаос, либо в нечто механическое и бездушное, в котором человеку будет отведено лишь место безликого винтика общественного целого.

Очевидно, что отношение к человеческой жизни как к ценности высшего порядка вообще представляет собой один из краеугольных камней, лежащих в основе общественной жизни. Утрата отношения к жизни человека как к ценности чревата самыми серьезными последствиями. Такая утрата есть явление, названное Э. Фроммом «некрофилией» – патологическим стремлением к разрушению жизни¹⁵.

Однако рассмотрение общества в качестве формы жизни предполагает также ценностное отношение и к тем общественным связям и отношениям, которые определяют целостность, самоорганизацию и развитие общественной жизни.

Чтобы «произвести» ребенка, достаточно отношений сексуального характера. Но выходить его, защищать и оберегать, воспитывать – без любви невозможно. Поэтому рискну утверждать, что любовь составляет самую сердцевину жизни – жизни общества и человека как биологического и социально-культурного существа. Отсутствие любви равнозначно прекращению жизни, прекращению человеческой истории как социально-культурной преемственности поколений. Возвышая человека над животным царством, любовь вместе с тем соединяет человека со всем живым, с тем, чье существование есть жизнь.

¹⁵ Fromm, E. The anatomy of human destructiveness. – N.-Y., 1973. – P. 120–124.